

Несчастный Фэн Мин уже второй раз был окружён заботой служанок, что суетливо облачали его в официальное платье.

Наконец, когда все приготовления закончились, лицо князя стало выглядеть ещё мучительнее, а сам Фэн Мин изредка жалобно вздрагивал.

Жун Тянь, изначально пожелавший составить ему, князю, компанию и встретиться с госпожой Яое, получил мгновенный отказ.

— Сегодня тебе запрещено приближаться ко мне! — Указывая пальцем на высокую и благородную переносицу Его Величества, Фэн Мин, только что утопавший в тоске, сейчас с обвинением в глазах посмотрел на молодого мужчину.

Жун Тянь, издав низкий смешок, «сцапал» любимого феникса и ущипнул за как раз надувшиеся от обиды красивые щёки, обессиленно говоря:

— Я хотел помочь тебе успокоиться[1], но ты снова не соглашаешься. — И перед лицом нескольких служанок Жун Тянь на ухо, дабы его мог услышать лишь князь, начал очаровывать: — Немного погодя, когда вернёшься, я оближу тебя, ручаюсь, вскоре боль пройдёт.

Предугадав, что из собачьей пасти он не дожждётся слоновой кости[2], князь раскраснелся аж до самых кончиков ушей и, вырвавшись из сжимающих объятий, в знак предупреждения схватил Жун Тяня за ухо и гневно процедил:

— Не думай, что сумасбродные фантазии так легко осуществляются, по возвращении я тебе отомщу.

Его Светлость хмыкнул и, ведя за собой Жун Ху, вышел из комнаты, не оглядываясь.

Под провожающий взгляд государя сделав вид, что не согласен идти на мировую, князь в душе радовался — воспользовавшись угрызениями совести Его Величества, сегодня вечером почему бы не упротить Жун Тяня позволить ему, Фэн Мину, побыть хоть разочек сверху, ну? Редкий шанс...

Подойдя к боковой комнате, Фэн Мин сразу же заметил изящный и стройный силуэт госпожи Яое, которая была облачена в простую, сшитую из белого[3] шёлка одежду, как тогда при первой их встрече; украшений на женщине также было немного: длинные волосы, собранные в узел, держались при помощи деревянной шпильки, что придавало госпоже ещё больше изысканности.

Князь перешагнул порог.

— Матушка, — с крайней почтительностью позвав, опратно одетый Фэн Мин послушно встал в

сторонке.

— Пришёл? — прозвучал мелодично-привлекательный голос, совершенно не похожий на голос молодой девушки.

— Да.

— Остальные пойдите прочь.

Испытывая смешанные чувства, которые тотчас же отразились на лице, Ло Юнь низким тоном отозвался:

— Подчинённый с почтением следует приказу госпожи[4], — при этом многозначительно посмотрев на Жун Ху.

Госпожа Яое являлась родной матерью Фэн Мина, более того, она однажды уже спасала жизнь Жун Ху, который по своей ошибке получил ранение[5], и сейчас охранник Его Светлости увидел, как Фэн Мин подаёт ему знак рукой, чтобы тот не волновался, и был вынужден покинуть комнату вместе с Ло Юнем.

В помещении остались двое человек — князь и госпожа Яое. Фэн Мин дал волю своему гневу, говоря:

— Матушка, вэньлань...

— Ты всё ещё думаешь об этом цветке? — обернулась женщина. Её большие глаза пристально смотрели на сына, а прекрасные манеры внезапно улетели в заоблачную высь. — Потеряв лицо, всё бросил на реке Оман, как только ещё совесть позволяет звать меня матушкой?!

Её навыки и изучение искусства меча были превосходными, даже Сяо Цзун восхвалял её лихую ловкость рук.

От внезапного удара Фэн Мин стоял остолбенев, его ухо немедленно угодило в руки достойного противника, заставляя князя закричать:

— Уа! Очень больно... Матушка, прекрати, а! — Неужели это расплата?! Ведь он только что дёргал Жун Тяня за ухо, а сейчас, наоборот, его уху причиняли боль.

По лицу женщины было видно — она требует объяснений.

— Я спрашиваю тебя: где сейчас находится караван судов семьи Сяо?

— Уто... утонул...

На что госпожа Яое, фыркнув, заворчала:

— Дурачок, семья Сяо разбогатела благодаря судоперевозкам и господствовала на реке Оман долгие годы, а ты так постыдно потерпел поражение. Кто бы мог подумать — разбили караван судов у берегов реки Оман, если бы я не преградила путь твоему отцу и не позволила присмотреть за Цай Цяном, получив в обмен его короткое счастье, то, может быть, он бы сейчас явился убивать. Тебе что, неизвестно, твой отец — самый безнравственный человек?

Госпожа Яое почти стянула ухо сына, и князь с кислым выражением лица залепетал:

— Известно... Теперь известно... Очень больно-о...

Госпожа Яое вновь фыркнула, но всё же смиловалась и отпустила свою жертву.

Фэн Мин, спешно заботясь о раненном несчастном ушке, выл от боли; казалось, сейчас быть сиротой куда предпочтительнее, чем иметь такую мать, которая при каждой встрече если не отравит, так побьёт, неизвестно насколько укорачивая молодые годы.

Потирая больное место, Фэн Мин жалобно спросил:

— Отец действительно очень зол?

У обиженного судьбой Ань Хэ был плохой гороскоп[6], даже родители оказались такими страшными: отец, Сяо Цзун, обладает скверным нравом, если сказал убьёт, значит убьёт, — ничего удивительного, что все в Поднебесной его боятся. Крайне опасными людьми для мира являются сумасшедшие и параноики. Кстати, у отца Ань Хэ что паранойи, что сумасшествия с лихвой хватает.

Госпожа Яое, надев на лицо маску холодной борьбы, прервала напряжённую атмосферу:

— Мне безразлично, зол он или нет, сын — мой, и если он осмелится хоть волосок тронуть на твоей голове, я, не щадя жизни, буду сражаться с ним. — Договорив, женщина неизвестно о чём подумала и внезапно впиалась серьёзным взглядом в лицо Фэн Мина.

Как раз поглаживающий ярко-красное благодаря госпоже Яое ухо князь от услышанного оторопел, а душу невольно охватило лёгкое трогательное чувство.

Родная мать всё-таки оказалась родной матерью, которая бьёт любя, бранит...

— Ай-яй-яй! — вновь завопил Фэн Мин. — Матушка, зачем тянешь моё ухо?

Ещё минуту назад трогательное чувство заполняло сердце, но в следующее мгновение пострадало второе ухо, в которое без предупреждения вцепилась госпожа Яое. Женщина явно сердилась, после чего резко задала вопрос:

— Только что почему так долго медлил, не выходя из своих покоев?

— Я переодевался, матушка-а! Сначала отпусти меня-а, очень больно!

— Гм, переодевался. — Женщина ослабила хватку и раздражённо ткнула Фэн Мина в макушку, так что лицо Его Светлости скривилось от боли, а затем упрекнула: — Стоит лишь взглянуть на тебя, и сразу становится ясно, что ты в своих покоях занимался приятными вещами, но пришлось их прервать, так? Что, Жун Тянь приехал? Или соблазнял кого-то другого?

Хоть не впервой Фэн Мин сталкивался с грубостью собственной матери, но всё же чуть не поперхнулся воздухом и, запинаясь, пролепетал:

— Где... где уж там...

— Ещё смеешь лгать?

Под пристальным взглядом женщины князь двумя руками немедленно закрыл уши и, растирая их и слегка пошатываясь, отступил на пару шагов, неловко шепча:

— То, что Жун Тянь вернулся.... хм, так... правда заметно? — Неужели по лицу видно, какими они в комнате занимались... делами?

— Конечно.

— Какой кошмар... — На этот раз позор был огромным: с самого начала весь его вид выдавал князя с головой, да так, что каждому становилось очевидным истинное положение дел, стоило Его Светлости покинуть комнату. Разве нет?

Госпожа Яое раздражённо и прямо уставилась на несчастного сына:

— Ты ошибочно полагаешь, что крайне сведущ, как твоя матушка? В таком умении выяснять, боюсь, даже твой отец не может сравниться со мной.

Фэн Мин расслабился. Тогда ещё куда ни шло...

— В таком случае, вэньлань...

— Для чего тебе вэньлань? Или хочешь послать какой-то принцессе Чан Лю из Чжаобэй?

Бросив взгляд на женщину, чьё лицо несколько изменилось, Фэн Мин невольно с особой осторожностью проронил:

— Да.

— Никчёмный глупец! — со вздохом сказала госпожа Яое. — Принцесса Чан Лю красива, но уже вышла замуж, если хочешь снискать расположение, прибегнув к каким-то подаркам, то лучше это сделать с тем негодником, Жун Тянем, да, кстати, ты дал ему выпить ту пилюлю, что я тебе тогда дала[7]?

Князь широко распахнул невинные глаза. Взять и позволить Жун Тяню выпить пилюлю госпожи Яое? Разве тогда это будет чем-то отличаться от преднамеренного убийства?

— М? — видя насквозь, что что-то не так, женщина презрительно воззрилась на Фэн Мина.

— Это самое... Забыл...

Бах! Яшмовая ладонь[8], с силой опустилась на деревянную поверхность стола, выпуская громкий пугающий хлопок.

Лишь взглянув на выражение лица матушки, Фэн Мин сразу же понял: катастрофы не избежать. Издав «Уа!», князь схватился за голову и отбежал к двери, готовый в любой момент выскочить из неё и броситься наутёк. Размахивая изо всех сил руками, Фэн Мин запричитал:

— Матушка, не злитесь и выслушайте меня, я не то, чтобы не доверяю Вашему лекарству, просто-напросто...

Просто-напросто...

— Просто-напросто ты сильно любишь Жун Тяня.

— Ну... — почесал голову князь и, выдержав долгую паузу, развёл руки в стороны и пожал плечами, отвечая: — Можно и так сказать.

Госпожа Яое сверху донизу окинула взглядом дрожащее тело и, внезапно со вздохом усмехнувшись, изменилась в лице — холодный облик будто неожиданно расцвёл, став изумительным, как тысяча весенних цветов.

— Ты, дитя, также влюблён, как я была влюблена несколько лет назад, — сказала госпожа Яое, шумно вздохнув. Внезапно тон её голоса изменился на сто восемьдесят градусов, став ласковее и очаровательнее. Женщина медленно села и, обратившись к князю, махнула рукой: — Подойди.

Страх обуял разум, заставляя князя ненадолго остолбенеть, но опять-таки Его Светлость не посмел не подчиниться, в итоге он был вынужден с опаской направиться в сторону матери. Рука женщины слегка двинулась, а Фэн Мин немедленно стеснительно вжал голову в плечи.

— Позволь осмотреть твоё ухо, больно дёргала? — Белые, похожие на стрелки лука, нежные пальцы легонько помогли растереть раскрасневшееся ухо князя.

Преисполненный обидой Фэн Мин кивнул:

— Очень больно.

Изначально, воспользовавшись удобным случаем, князь притворился жалким, но, когда последние слова сорвались с губ, в глазах невольно защипало от грусти. Ведь он, Фэн Мин, являлся обласканным — даже больше сотни раз — Жун Тянем, который в нём души не чаял, однако госпожа Яое дарила князю совершенно иные чувства.

Хоть женщина, дав волю своему нраву, ударила и побранила, но после подозвала его к себе и стала растирать больное место, позволяя думать, что на данный момент, может быть, успокоилась.

Именно для Фэн Мина госпожа Яое сейчас казалась настоящей родной матерью, которая отругала вовсе не из ненависти. Сама же обладающая вспыльчивым и неустойчивым нравом женщина, побранив, нисколько не стыдилась и, не боясь обид со стороны Фэн Мина, а, наоборот, по-прежнему считав его маленьким ребёнком[9], подозвала, что являлось совершенно естественным поведением, тем самым позволяя чувству непостижимой близости охватить душу.

— Ну что смотришь? — заметив, что Фэн Мин украдкой смотрит на неё, госпожа Яое слегка ударила пальцем по кончику княжеского носа. — Тебе не стоит придумывать коварный план, я, как бы то ни было, не отдам вэньлань, да и что хорошего в том, чтобы родить сына, который ничего не пришлёт своей матушке, даже письмо кое-как отправил мне и то просил в нём матушку о каком-то цветке.

От подобного выговора совесть за совершённую ошибку пробудилась, и Фэн Мин спешно заговорил:

— Впредь я буду чаще отправлять матушке письма.

— Нет, нельзя, письма крайне надоедливы.

«Но Вы только что жаловались... — Фэн Мин почесал затылок, ероша волосы. — Угу, действительно плохая забота, неудивительно, что отец в те годы бросил её, ах... Ик, говорить так, кажется, очень грешно. Разве можно проявить ко всем женщинам плохую заботу? Нет, не та-ак, Цю Лань — женщина, разве всё ухудшилось после того, как она вышла замуж за Жун Ху? Надо как-нибудь в свободное время расспросить у него, как справляться с желаниями непредсказуемой замужней женщины...»

— Что же касается разгромленного каравана, то в этот раз я помогаю тебе, став у твоего отца на пути, — донёсся до слуха женский голос, и Фэн Мин, не смея о чём-либо думать, спешно притворился серьёзным учеником, который послушно внимал наставлениям. — Но в освоение морского пути, что должен быть проложен за год, твой отец, конечно же, может вмешаться.

Увидев наивное выражение лица сына, госпожа Яое, не сдержавшись, вытянула руку и, сжав нежную и гладкую щёку, изогнула уголки губ, обнажая улыбку:

— Не бойся, что бы ни случилось, матушка рядом. Вот только матушка надеется, что ты сможешь выполнить задание, и если тебе это удастся, то, в конце концов, перед лицом твоего отца, всегда сетующего, что ты похож на меня и обделён талантами, от имени матушки вздохнёшь с облегчением.

— Угу, — со всей мочи кивнул князь, после чего тихо спросил: — Матушка, Вы только ради этого распоряжения сюда явились?

Лучше бы князь не задавал подобного вопроса, поскольку лицо госпожи Яое вмиг изменилось, а сама женщина зло выпалила:

— Дурной мальчишка[10]! Мать специально явилась сюда, чтобы посмотреть, утонул ли ты на реке Оман или нет.

Фэн Мин лишь сейчас понял, что госпожа Яое, вероятнее всего, услышав новости о случившемся на реке Оман и чудовищном разгроме людей рода Сяо, в нескончаемом беспокойстве специально приехала в Тунцзэ.

От подобного осознания душу охватило тепло.

— Матушка, — сдерживая себя от желания в секунду крепко сжать руку женщины, князь мягко отозвался, — с Вашим сыном всё в порядке, он лишь отделался небольшим ранением, в основном уже всё хорошо.

Взяв Фэн Мина за руку, госпожа Яое, отвернувшись, начала:

— Разве меня касается, в порядке ты или нет? — И, вынув что-то из-за пазухи, женщина всунула это в княжескую ладонь. — Возьми.

Радость заполонила сердце:

— Это вэньлань?

На что госпожа Яое попутно стукнула сына по лбу:

— Перестань даже мечтать о вэньлань! Ведь это не твоя женщина, так стоит ли тебе переживать и всячески заискивать перед ней?! Это специально созданный мной связной огонь[11], также внутри находится шёлковая парча, где написан способ, как связаться со мной. Твой отец сказал, что очень скоро Цай Цян станет обучаться искусству меча, потому нужно отыскать более укромное место для тренировок, и я буду с ними.

Фэн Мин со смехом вернул:

— Я понял, когда ситуация усугубится, то с помощью этого позову матушку на помощь.

Женщина, по-прежнему не меняясь в лице и продолжая хмурится, похвалила сына, закатывая глаза:

— Негодник, первое, что пришло тебе на ум — позвать матушку на помощь. Из-за чего-нибудь другого, кроме прошения прислать что-нибудь и помощи, искать меня собираешься?

На что Фэн Мин глупо рассмеялся. Находится перед лицом госпожи Яое он, князь, постепенно уже привык и сейчас, наоборот, чувство лёгкости — незачем больше прикрывать имеющиеся недостатки — охватывало Его Светлость.

— Я ухожу. — Госпожа Яое поднялась с места.

— Так скоро? — изумился Фэн Мин. — Хотя бы откушайте рис, сдобренный пряностями[12], мне позвать Цю Лань, чтобы подала дофу?

Но женщина мазнула по сыну взглядом:

— Молодые люди в самом деле несмышлёные: натянуть тетиву и не выстрелить[13] — так легко можно навредить здоровью. Скорей возвращайся и доделай то, что начали с Жун Тянем, ведь даже к подобным делам не стоит проявлять небрежность, а к старости остерегайся бодрствовать по ночам, ведь твой Жун Тянь, действительно не знающий, как заботиться о ком-то, дурак.

Фэн Мин, деланно улыбнувшись, дважды воскликнув «ха», подумал: «Насчёт подобных дел он, в конце концов, всегда берёт на себя ответственность, на этот раз произошла оплошность, не более, вот только моя поясница всё больше страдает, когда он бесцеремонно доводит дело до конца».

— Матушка, касаемо вэньлань...

— Замолчи, больше не упоминай о вэньлань, в твоей душе другая женщина, в которую влюбился, важнее родной матери? Чтобы получить семя вэньлань, у меня ушло огромное количество сил, понадобилось три года стараний и изучений, чтобы с огромным трудом вырастить более трёхсот корней. — Госпожа Яое, вновь ущипнув Фэн Мина за щёку, непринуждённо ушла, не оглядываясь.

Щёки от рук женщины пылали до красноты, сам же князь глупо смотрел вслед удаляющемуся силуэту матери, и, придя в себя спустя долгое время, Фэн Мин поднял вой:

— Оказывается, у Вас есть более трёхсот корней, а? Один корень дать — не велика беда!

Фэн Мин вернулся к себе, где его встретил до сих пор переживающий Жун Тянь:

— Что случилось? В конце концов, почему госпожа Яое так внезапно нагрязнула?

Князь, пожав плечами, передал Жун Тяню весь состоявшийся между ними разговор, умолчав лишь о той пилюле, что ему ещё тогда вручила матушка для государя, после этого Фэн Мин вытащил из-за пазухи связной огонь и записку на шёлковой парче, показывая любимому мужчине.

Оставшись равнодушным к подаренным вещам, Жун Тянь, наоборот, разразился смехом, услышав брошенные под конец матушкины слова:

— Госпожа Яое и впрямь интересная женщина, натянуть тетиву и не выстрелить, подобное действие на самом деле подрывает силы, а ну-ка, этот государь хочет позаботиться и помочь тебе закончить начатое. — И, отбросив в сторону показанные князем подарки, подошёл и обнял Фэн Мина.

Но тот, увернувшись от объятий и оказавшись в безопасном месте позади стола, изумился:

— А почему, когда она тебя отравила, ты не говорил, что она интересная женщина? Нечего давать волю чувствам, я проголодался.

Стоило словам сорваться с уст, как Жун Тянь, в свою очередь, тоже почувствовал голод: когда Фэн Мин отправился на встречу с Чжуан Пу и У Цянем, государь без аппетита съел всего лишь пару кусочков пирожного, и только.

Двое мужчин, прекратив смех, позвали Цю Син, которой приказали как можно скорее подать еды.

Расторопная с утра Цю Лань, уже давно ожидавшая приказа принести яства, мгновенно взяла в руки четыре тарелочки с кушаньями и вместе с Цю Юэ, хихикая, вошла в опочивальню господина. Только стоило девушкам накрыть на стол, в дверь вошла Цю Син, держа четыре блюдечка с холодными закусками. Спокойный Жун Ху больше не осмелился беспокоить Жун Тяня и Фэн Мина, и близняшки, расставив блюда, также удалились из комнаты. Лишь оставшаяся очень тихая Цю Лань сидела в стороне, ожидая, когда можно будет доложить очередную порцию еды.

Двое мужчин вновь сели за стол друг напротив друга и, опустив головы, ели. Периодически перед лицом каждого, стоило его поднять, возникало величественное зрелище: взгляд блестящих очей встречался с улыбающимся взором обращённых на него глаз.

Усмешка растянула губы, обнажая зубки, сам же князь, сжав палочками кусочек мяса молодого оленя, всунул его в рот Жун Тяню и, смотря, как силэйский государь пережёвывает, смакуя, невольно поинтересовался:

— Вкусно?

В ответ молодой мужчина с улыбкой молча повторил действия любимого феникса и поднёс мясо ко рту Фэн Мина, который разомкнул губы и тотчас же съел, гневно, но всё же хваля:

— И впрямь вкусно.

От услышанного цветы сердца сидящей неподалёку Цю Лань бурно расцвели [14], а сама служанка тихо вздохнула: всё же не зря утром бегала по кухне в поте лица.

Двое мужчин, крайне расхваливая готовку, то и дело кормили друг друга, словно передавая с едой неугасающую любовь, почти все восемь тарелочек как горячих, так и холодных блюд были опустошены.

Фэн Мин, наевшись, поднял шум, прося Жун Тяня вместе потренироваться искусству меча, но вместо ответа был сцапан государем, который, улучив момент, лизал, целовал и обнимал. Без раздумья молодой мужчина высказал:

— Только поел, о какой тренировке может идти речь?! Совсем не понимаешь, что надо заботиться о собственном здоровье. Пока меня не было, ты, конечно же, стал непослушным.

— Кто сказал, что я стал непослушным? Я очень даже послушный! — Сопrotивляясь ещё большему натиску страстных поцелуев, Фэн Мин отчаянно искал защитника и, указывая на служанку, воскликнул: — Цю Лань может подтвердить: всё проведённое в путешествии время я

послушно исполнял все ваши указания насчёт питания и режима дня.

До Цю Лань уже дошёл слух про несчастье влюблённых, прекрасное утро которых было прервано Жун Ху, поэтому разве осмелилась бы она, служанка, вмешиваться в любовные отношения господ?! Внезапно вздрогнув, девушка очаровательно вернула:

— Вашей служанке ничего не известно. — И, краснея, собрав всю посуду, умчалась, словно струйка дыма.

С губ силэйского государя сорвался громкий, наполненный горестью вздох:

— Сейчас в итоге нас никто не потревожит, к тому же этот государь убьёт любого, кто посмеет явиться сюда.

Мелкий расчёт, что заполонил мысли князя, нёс в себе цель высвободиться из тисков и взять на себя инициативу. Его Светлость с напускной серьёзностью, не упуская столь выгодный момент, прежде всего решил заранее изложить здравую стратегию:

— Так может, стоит поговорить о том, чтобы я сегодня побыл сверху?

— Э? Почему?

Фэн Мин отплатил прикинувшемуся дураком Жун Тяню пренебрежением:

— Ох, меня сегодня столько обижали, потому можно потребовать хоть немного компенсации. Моя матушка до боли дёргала мои уши, а ещё отказалась отдать мне вэньлань.

Прищурившись, Жун Тянь рассмеялся:

— А какое я имею отношение к тому, что связано с твоей матушкой?

— Ты укусил меня! — выдвинул серьёзное обвинение князь. — Ты взял и укусил меня, и должен компенсировать, выражая сожаление, вдобавок ты на протяжении месяца будешь подо мной.

— Хорошо-о, я действительно тебя укусил, — пренебрежительный тон Его Величества смягчился, а Фэн Мин самодовольно покосился на молодого мужчину.

Жун Тянь вновь продолжил:

— Раз уж ты там ранен, то, конечно, лучше хорошенько залечить, потому нельзя перенапрягаться. И раз так, то на протяжении года ты ради меня будешь спокойно лежать в

кровати и всё, мне же волей-неволей придётся много в поте лица работать.

Услышав лишь половину фразы, князь уже почувствовал неладное, его глаза округлились и уставились на улыбающегося благородного мужчину. Юноша не удержался от приёма, недавно продемонстрированного матушкой, и вытянул руку, собираясь ущипнуть силэйского государя за щёку.

Однако провернуть подобное было не так просто: увидев пальцы около своего лица, Жун Тянь, открыв рот, тотчас же взял их в плен и, сомкнув челюсти, дабы не позволить Фэн Мину отдёрнуть руку, стал языком скользить по кончикам пальцев, играя.

Это непристойное действие немедленно напомнило о недавнем наслаждении, когда Жун Тянь, обхватив губами член, вобрал в рот, делая минет. Фэн Мин внезапно задрожал, чувство онемения скопом обдало тело, расплзаясь от большого пальца до поясницы, отчего орган Его Светлости, не сдержавшись, напрягся.

Жун Тянь, похлопав по своему скрывающемуся под одеждой вставшему члену, подразнил, двусмысленно глядя на любимого феникса:

— Тоже неплохо, давай потренируемся на этих мечах, которые давненько не полировались.

— Бред, только вчера вечером полирова... — Фэн Мин ненадолго обомлел, но, поняв, что болтает что ни попадя, чуть не откусил язык, затем безжалостно пнул Жун Тяня.

От удара молодой мужчина глухо застонал и зло пригрозил:

— Ещё есть силы так драться, значит, наверняка вечерней полировки недостаточно. — Горячие губы накрыли княжеские уста, словно правитель мира оккупировал территории, напав на город.

От поцелуя тепло, встретившись с легкомысленностью, таящейся в душе, волной захлестнуло разум, который время от времени напоминал:

— Мы только что поели... На... на желудке плохо скажется... Аппендицит...

Страсть уже охватила тело государя, между ног было безумно твёрдо, сам же Жун Тянь, наслаждаясь вкусом губ любимого феникса, поцокал языком, озабоченно прерывая:

— Кто поел? Я просто умираю с голоду. Будь умницей, высунь немного язык.

Жар заставил даже руки Его Светлости заалеть, вытянув шею, Фэн Мин умолял о дальнейшем натиске, дыхание стало сбивчивым, хаотичным, волнительным и тяжёлым, словно спутанные

нежные клубы шёлка.

Как раз в этот момент спокойный голос донёлся снаружи:

— Докладываю...

— Что опять случилось? — с рыком выкрикнул приподнявшийся Жун Тянь, чьё настроение уже в третий раз перебивалось на того, кто стоял за дверью.

Через короткое время почувствовалось неладное. Оказывается, вместе с этим рыком, помимо собственного, слышалось тяжёлое дыхание рядом находившегося феникса, которого так же, как и государя, захлёстывало возмущение. И неудивительно, что рёв звучал так сильно.

Однако того, кто стоял за дверью, подобный крик не напугал вовсе. Наоборот, Ло Юнь всё с той же невозмутимостью равнодушно продолжил:

— Молодому господину только что пришло срочное письмо из Юэчжун.

— А? Из Юэчжун? Это принц Юн И прислал людей? — Пребывая в изумлении, Фэн Мин поднялся с постели и, взяв длинный халат, судорожно накинул на плечи. — Наконец-то нашли Ле-эра?

— Подчинённый не осмелился самовольно вскрыть послание.

— Скорей давай сюда, — приказывая Ло Юню, Фэн Мин досадно подмигнул Жун Тяню.

Ничего не поделаешь, крайне праздный день, каким он ошибочно казался поначалу, превратился в самый загруженный. По-видимому, это владыка неба наказывал развратного и невежественного силэйского государя.

Примечания:

[1] Иероглиф 揉(róu) — жоу — можно перевести не только как «успокоить», но и «растирать\массировать\поглаживать».

[2] Обр. «из злых уст доброго слова не услышишь», «не жди доброго слова от плохого человека».

[3] В оригинале 白衣(báiyī) — байи — можно перевести как «одежда слуги», а также «[люди] в белых одеждах» (об индийских брахманах).

[4] Ло Юнь называет госпожу Яое 姜(zhǎng) — чжуму — можно ещё перевести как «хозяйка» (при обращении второстепенной жены к главной); императрица.

[5] Имеются в виду события 149-ой главы, когда Жун Ху, услышав крик князя, первым вломился в покои Сяо Цзуна, который, собственно, за это и ранил силэйского телохранителя.

[6] 申辰八字(shēnchén bāzì) — шэнчэнь бацзы — гороскоп из 8 знаков; гороскоп по дню рождения.

[7] Госпожа Яое говорит о событиях 156-ой главы.

[8] Яшмовая ладонь (玉掌(yù zhǎng) — юй чжан — ещё можно перевести как «нефритовая ладонь») — красивое название для ладони, подразумевающее белоснежную нежную кожу.

[9] 小哈子(xiǎoháizi) — сяохайцзы — [грудной] ребёнок, дитя, кроха, младенец.

[10] Госпожа Яое называет Фэн Мина 死小子(sǐ xiǎozi) — сы сяоцзы — звучит как «дурной»; груб. «чёртов, никчёмный мальчишка\сыночек». А если разбирать по-иероглифно, то 死(сы) можно перевести не только как «смерть», но и «тупой/медленно соображающий/недогадливый/несообразительный», 小(сяоцзы) — «[младший] сын\мальчишка\малец\негодник\подлец\негодяй». Когда ребенок неуправляем или непослушен, возможно, даже хитрит, родители могут в сердцах назвать его «дурной мальчишка» (死小子(сы сяоцзы)), «маленький паршивец» (死小子(сы сяохай)) или «вонючка\засранец» (死小子(чоусяоцзы)). Хоть данные высказывания звучат в несколько негативном смысле, однако не являются серьёзной руганью.

[11] 烟火(yānhuǒ) — яньхо — сигнальный огонь.

[12] Пряности, возбуждающие аппетит.

[13] 引而不发(yǐn ér bù fā) — инь эр бу фа — букв. «натянуть тетиву, но не выстрелить», подобная метафора означает «быть в боевой готовности», «выжидать удобного момента».

[14] «Цветы сердца бурно расцвели» — обр. в знач.: приходить в восторг; ликовать, быть в восторге.

<http://bllate.org/book/13377/1190254>